
Испытание премией

[Светлана ЗАМЛЕЛОВА](#) - 23 июня 2017



Body

Испытание премией

Странная это штука – Нобелевская премия. То вдруг премию мира получает Барак Хуссейн Обама, только что избранный президентом США и ещё не успевший проявить себя ни миротворцем, ни поджигателем войны. То ЦРУ публикует документы о своей причастности к выдвижению на премию по литературе Бориса Пастернака с романом «Доктор Живаго». А то вдруг той же премией по литературе награждают Э. Елинек (2004) – даму, судя по её текстам, страдающую расстройствами психики; или Г. Мюллер (2009), тоже даму и автора, среди прочих, такой книги: «Странный взгляд, или Жизнь – это пердёж в фонаре». Название столь многообещающее, что рядовой читатель поневоле задумается: а вместит ли сознание все эти откровения и смыслы...

Словом, Нобелевский комитет загадочен и полон сюрпризов. Да вот, к примеру, премию мира в 2015 г. получила организация «Квартет национального диалога в Тунисе» «за решающий вклад в создание плюралистической демократии в Тунисе вскоре после “жасминовой революции” 2011 года». А мы было гадали, кто же получит: Абу Бакр аль-Багдади или сенатор Джон Маккейн. Хотя, по слухам, главной претенденткой до последнего оставалась Ангела Меркель, которая для этого очень старалась и даже фотографировалась с африканскими беженцами. Но премия досталась революционерам. Причём не только премия мира, но и премия по литературе, присуждённая русскоязычной писательнице из Белоруссии Светлане Алексиевич. Впервые постсоветский литератор, да ещё пишущий на русском языке отмечен Нобелевским комитетом. С чем, конечно, мы поздравляем и союзную республику, и лично Светлану Алексиевич.

Но сюрпризы на этом не заканчиваются. Дело в том, что Нобелевская премия, вопреки завещанию её учредителя, вручается не просто так, а с формулировкой. Сам Альфред Нобель распорядился вручать премии «тем, кто в течение предыдущего года принёс наибольшую пользу человечеству». В частности, литературная премия, по желанию Нобеля, должна вручаться «тому, кто создаст наиболее выдающееся литературное произведение идеалистического направления». Однако Нобелевский комитет с первых же лет существования откровенно игнорирует заветы своего учредителя, о чём говорит и тот

факт, что первая же премия, вручённая при жизни Л.Н. Толстого, присуждена была французскому поэту А. Сюлли-Прюдому. Витиеватыми формулировками Нобелевский комитет всякий раз объясняет свой странный выбор и заодно отводит нарекания. Если кому-то не нравится язык или сюжет романа «Доктор Живаго», то ведь премию дали не за язык и не за сюжет, а «за выдающиеся заслуги в современной лирической поэзии и в области великой прозы». А заслуги, как известно, могут быть самыми разными. Так вот, за какие надо заслуги, за такие и дали...

Или Барак Обама удостоился премии мира «за огромные усилия по укреплению международной дипломатии и сотрудничества между народами». В конце концов, даже не будучи президентом США, человек может прилагать усилия по укреплению сотрудничества между народами. Попробуйте возразить.

Светлана Алексиевич – автор документальной прозы и публицистики, что тут же стало поводом для упреков в адрес Нобелевского комитета. Как отметил журналист Михаил Бударягин: «Если же мы полагаем литературой метод создания убедительного художественного мира посредством обращения к языку, то любой текст Алексиевич – не более литература, чем инструкция к утюгу». Но уважаемый журналист погорячился. Прежде всего, литература – это вовсе не метод, а вид искусства. Кроме того, «создание убедительного художественного мира» относится именно к художественной литературе. Однако Нобелевский комитет присуждает премию по литературе, а не премию по художественной литературе. Поэтому наградить могут и прозу, и стихи, и публицистику. Не будем забывать и про формулировку. Ведь Светлану Алексиевич наградили не за «создание убедительных миров», а «за её многоголосное творчество – памятник страданию и мужеству в наше время». Почти по Пушкину: «...Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в мой жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал...»

В том, что творчество Светланы Алексиевич и в самом деле многоголосно, мы ещё успеем убедиться. Пока же остановимся на «памятнике страданию». Нобелевский комитет уверяет, что белорусская писательница воспела страдания и мужество современников, с чем, конечно, нельзя не согласиться. Например, книга «У войны не женское лицо» (1985) посвящена женщинам Великой Отечественной войны. Книга «Цинковые мальчики» (1989) – войне в Афганистане. «Чернобыльская молитва» (1997) – трагедии в Чернобыле. Автор сосредотачивает внимание на катастрофах XX в., затронувших всю или почти всю страну (Советский Союз и впоследствии то, что от него осталось). Она пытается понять природу страданий, исследовать причину их возникновения, что, конечно же, является серьёзным замыслом. «Философия страданий и жертвенности» – да ведь это тема философского трактата! Но постичь глубины и высоты заявленной темы автору так и не удалось. Перечислить страшные факты – ещё не значит осознать природу зла. В книгах Светланы Алексиевич действительно все страдают и мучаются, но вывод, к которому приходит автор – не нов и банален: виновником страданий является государственная машина. Помнится, ещё в школе учили: «Государство – это аппарат насилия». Но и сами страдальцы тоже не безвинны, поскольку для того, чтобы прекратить страдания им не хватает культуры. Они от природы – варвары, их мнимая жертвенность есть не что иное, как проявления дикости. Такое впечатление, что Светлане Алексиевич очень хочется призвать к выдавливанию из себя раба. Но это было бы слишком явственным эпигонством.

Утверждение насчёт дикости имеет восходящую направленность, и если сначала Светлана Алексиевич просто фиксирует страдание, сочувствуя и сопереживая, то от книги к книге голос её звучит всё более уверенно и категорично, пока наконец во «Времени секунд хэнд» (2013) не зазвонит в полную силу, зло и напыщенно: «Мой отец до девяноста лет дожил. Говорил, что в его жизни ничего хорошего не было, только война. Это всё, что мы умеем»; «Русский человек не понимает свободу, ему нужен казак и плеть»; «На великие стройки ехали одни голодранцы, как мы. У кого ни кола ни двора. “За туманом и за запахом тайги” – это из песен... из книжек... а мы от голода пухли. Голод нас

погнал на подвиги»; «Украинцев убивали за то, что они не хотели идти в колхозы. Убивали голодом. Теперь-то я это знаю»... И так далее, и тому подобное. Философский замах на постижение сущего свёлся к пропагандистским штампам Коха – Латыниной – Новодворской.

Но несмотря на то, что исследования Светланы Алексиевич получались мелкотравчатыми, сводимыми к тому, что главное для человека – ценить свою жизнь и жить в достатке, чего в России не знают и не умеют, она их не оставляла и, пользуясь излюбленным полевым методом, продолжала писать. Её книги – это собрание рассказов простых людей о пережитых страданиях и бедах. Так что Нобелевский комитет не соврал: многоголосное творчество присутствует, памятник страданию и мужеству тоже имеется. Остаётся вопрос: почему же именно Светлана Алексиевич и почему же именно сейчас? Ведь писательница уже не первый раз номинируется на Нобелевскую премию, но только в 2015 г. Нобелевский комитет дрогнул перед страданиями. К тому же таких певцов страданий у нас и у самих хоть отбавляй. Так в чём же дело? Видимо, спросить об этом стоит саму лауреатку. Не впрямую, а попытаться найти ответ в уже написанном и сказанном. Но сначала, как писал М.А. Булгаков, разрешите ещё один крохотный номерок. Непременно с разоблачением.

Ни для кого не секрет, что российские учёные, литераторы и миротворцы довольно редко удостоиваются Нобелевской премии. Более того, если учёного непросто наградить за политические взгляды и симпатии, то с писателями и миротворцами дело обстоит совсем иначе. Неудобных учёных просто не замечают, для удобных гуманитариев придумывают формулировки. Взять хотя бы М.С. Горбачёва, награждённого накануне распада СССР «за вклад в снижение международной напряжённости и осуществление политики гласности». Но чудеса случаются в лотерее, а не при награждении солидными денежными премиями. В своё время не были отмечены заслуги ни Л.Н. Толстого, ни Д.И. Менделеева. А в 2007 г. на пресс-конференции Международной ассоциации Нобелевского движения доктор физико-математических наук Владимир Чёрный сообщил, что: «...Нобелевская премия по физике за доказательство неоднородности реликтового излучения досталась американцам, тогда как первые результаты по этим исследованиям были получены в России, но это никак не учитывается. Такая же ситуация была с открытием российским физиком Летоховым нового явления лазера: американский физик Ли из Стэнфордского университета работал у Летохова в лаборатории, затем самостоятельно опубликовал результаты, Стэнфордский университет его выдвинул, и он получил Нобелевскую премию. На протест Российской академии наук ответ Нобелевского комитета был очень простой: “Вы должны сами подавать бумаги в комитет”. Аналогичная ситуация произошла с бактерией *Helicobacter pylori*, которая была открыта российским врачом Морозовым, и за которую премировали австралийских учёных...»

Кстати, сравнительно небольшое число нобелевских лауреатов из России – это один из аргументов в информационной войне. Например, на украинских сайтах это обстоятельство считается весомым аргументом в пользу ничтожества России и её народа. Понятно, что додумались до этого не козак Гаврилюк с Рогнедой Карповной, для таких случаев существуют специальные инструкции с подборками интересных фактов. В более серьёзных кругах, нежели украинские сайты, подобное положение дел объясняется тем, что фонд премии формируется из процентов с Нобелевского капитала, размещённого преимущественно в американских финансовых структурах. А уж если американские финансовые структуры вершат судьбы мира, то что уж говорить о премиях вообще и выборе лауреатов в частности. Кроме того, логично предположить, что награждаются не просто симпатичные писатели и учёные, а в чём-то даже полезные этим самым «финансовым структурам», а может быть, даже и нужные. Разве, например, садомазо Э. Елинек или та самая «жизнь в фонаре» Г. Мюллер не встраиваются в европейский mainstream с гей-парадами, инцестами, расчленёнкой в зоопарках и прочими чудными делами? А не является ли награждение М.С. Горбачёва, в полной мере ответственного за развал СССР, своего рода благодарностью «финансовым структурам»? Чудеса, повторимся, конечно, бывают. Но только не в случаях распределения денежных знаков. Кстати, когда

записные отечественные патриоты получают от либеральной общественности крупные денежные вознаграждения в виде литературных или любых других премий, простодушным согражданам следовало бы задуматься: может ли это быть, и не обманывают ли их с неясной целью.

А что же сегодня волнует американские «финансовые структуры»? Какова повестка дня? Не ошибёмся, предположив, что это Россия, Украина, Сирия, Путин. Но какое отношение ко всему этому имеет Светлана Алексиевич? Как ни странно, самое прямое. Но почему же в таком случае не Людмила Улицкая? Потому что есть ещё и Лукашенко. Но обо всём по порядку.

Итак, Светлана Александровна Алексиевич родилась в 1948 г. в г. Станиславе (Ивано-Франковск). В 1961 г. её семья переехала в Белоруссию. После окончания школы Светлана Александровна работала воспитателем, учителем истории и немецкого языка в школах, журналистом. В 1967 г. поступила на журфак БГУ. После его окончания была распределена в г. Берёзу, в районную газету «Маяк коммунизма». С 1976 г. работала в минских газетах и литературных журналах. В 1983 г. принята в Союз писателей СССР. В настоящее время живёт в Минске.

Светлана Алексиевич – лауреат многих международных премий, например Литературной премии им. Н. Островского (СССР, 1985 г.), премии Ленинского комсомола (СССР, 1986 г.), премии им. Курта Тухольского (Шведский ПЕН, 1996 г.), премии «Триумф» (Россия, 1997 г.), премии «Самый искренний человек года» (Россия, фонд «Гласность», 1998 г.), премии «За лучшую политическую книгу года» (Германия, Бремен, 1998 г.), премии «За европейское взаимопонимание» (Германия, Лейпциг, 1998 г.), премии «Свидетель мира» (Международное французское радио, Париж, 1999 г.), Премии мира им. Э.-М. Ремарка (Германия, 2001 г.)

Сложно сказать, когда именно Светлану Алексиевич заинтересовала тема страданий. Но совершенно очевидно, что исследованию этой темы, пусть не философскому, а всего лишь журналистскому, на уровне сбора информации, посвящено всё её творчество. О страданиях и мужестве она говорит не только в книгах, но и в многочисленных интервью. В самом деле, Светлана Алексиевич так часто и подробно беседует с журналистами, что по ответам вполне можно проследить её внутреннюю эволюцию, то, как менялись её взгляды и восприятие жизни.

Например, в интервью сетевому журналу «Вестник» в 1998 г. Светлана Алексиевич так рассказала о своём понимании страдания, о разнице, существующей, по её мнению, между русским и европейцем: «Пренебрежение жизнью – очень русское понятие. У нашего человека как бы и нет своей жизни, мы всё время не в себе. Приходишь к человеку, спрашиваешь о нём. А он говорит: “Да, вот мы построили, победили”, и так далее. Приходите к западному человеку, он говорит о своей жизни, а не о жизни коллектива. <...> Страдание становится оправданием, чтобы не спасать себя, свою семью. Защититься от этого культа страдания можно только культурой, культурой отношения к своей жизни. Мне всё меньше хочется преклоняться перед страданием». Кроме того, писательницу восхищают молодые литовцы, отказавшиеся участвовать в ликвидации Чернобыльской аварии.

Но спустя несколько лет Алексиевич уже иначе относится и к европейцам, и к русским, и даже к страданию. В 2004 г. в интервью газете «Известия» она говорит: «Мои книги – о силе человеческого духа, а у европейского человека появились с этим проблемы. Люди стараются не тревожить себя. Западный человек склонен выбрать не сострадание другому, а помощь: я даю деньги, участвую в какой-то инициативе, но в чужие проблемы не вхожу и в душу их не пускаю. И вот этот практичный, рациональный европейский ум ощущает собственный крах: стало ясно, что рациональный человек не выживет, возникла потребность в гуманитарном человеке».

«Я ведь человек русской культуры. Но наша цивилизация посылает в мир и какие-то иные импульсы – о прочности человека, о жизненных ценностях».

«Объяснять смысл жизни только необходимостью приобретения комфортного жилища, престижной машины означает свести её к биологическому существованию. Это тупик».

Тогда же писательница поделилась своим отношением ко многим явлениям. Обратим на это внимание только для того, чтобы проследить, как менялись взгляды Алексиевич. «То, что происходит сейчас, свидетельствует: мир не вступил в XXI век. Путь, предложенный миру Америкой, – путь назад. Вместо того чтобы низвергать идеи, – убиваем людей. Для меня то, что происходит в Ираке, – полное поражение цивилизации». «На Западе всё чаще говорят о том, что у демократии есть свои тупики. Если альтернатива диктатуры есть демократия, то альтернативы демократии нет. И это тоже одно из потрясений сегодняшней жизни».

«Если в твоих руках телевидение, смешно говорить о демократических выборах. И так не только в России или в Белоруссии».

«Я недавно была в Испании, у басков. И окончательно похоронила остатки симпатии к национализму».

«Всё-таки у социализма было много преимуществ. Особенно в социальной сфере. И ради чего тогда было пролито столько крови в XX веке, чтобы так просто это потерять?.. То же бесплатное всеобщее образование, здравоохранение. Я не говорю, что реформы не нужны. Но они большей любви к человеку требуют».

«Все люди похожи и проблемы всё те же. Живут, умирают, кто-то кого-то любит, кто-то – нет, точно так же дети после смерти родителей или дружат, или делят всё, начиная от штор и табуреток».

Но прошло время, встал вопрос о получении Нобелевской премии, на которую писательница собирается, по её словам «купить свободу», то есть свободно перемещаться, работать и отдыхать, и ответы переменились. Всё чаще стали они напоминать репортажи западной прессы, всё больше слышится в них набивших оскомину клише и откровенной лжи, порой смешной и нелепой. Всё отчётливее сходство Светланы Алексиевич с публикой, предпочитающей свободу на западные деньги.

«Мы имеем дело с русским человеком, который за последние 200 лет почти 150 лет воевал. И никогда не жил хорошо. Человеческая жизнь для него ничего не стоит, и понятие о великости не в том, что человек должен жить хорошо, а в том, что государство должно быть большое и нашпигованное ракетами. На этом огромном постсоветском пространстве, особенно в России и Беларуси, где народ вначале 70 лет обманывали, потом ещё 20 лет грабили, выросли очень агрессивные и опасные для мира люди» («Хартыя'97», 2015). **Значит, величие – это жить хорошо и беречь свою жизнь. А как насчёт тупика и биологического существования?..**

«Я не верю ни Путину, ни Лукашенко. В наших краях политикам нельзя верить. А тем более таким тоталитарным. Мы видим, что есть переодетые российские военные в Украине. А Путин, глядя миру в лицо, говорит, что там их нет» (Радио «Свобода», 2014). **Интересно, где это Вы, Светлана Александровна, видели российских военных, а главное – как Вы их, переодетых, опознали?..**

«Я ездила по России, видела, что написано на автомобилях: “Обама – чмо”, “Поднялся бы Сталин”» («Известия», 2015). **Найдётся ли ещё хоть один человек, который бы видел то же самое?..**

«Мне вспоминаются документальные кадры ввода русских войск в Крым: шли КАМАЗы, военные тягачи, бронетехника. Вокруг раскрытых люков сидели солдаты, у них на всю мощь гремели магнитофоны. Неслась на всю мощь песня: “Праздник к нам приходит! Праздник к нам приходит!”» («Deutsche Welle»). **Конечно, «Deutsche Welle» ещё и не то проглотит, но вообще-то сложно себе представить, чтобы солдаты на бронетехнике с упоением слушали песню из рекламы «Кока-Колы».**

«То, что мы говорим на русском языке – это наши глубокие исторические проблемы.

Небольшой народ был всегда угнетён, никогда не жил своей жизнью. Поэтому русскоязычность не политическая затея, это наши внутренние исторические проблемы, наши собственные комплексы. Меня очень радует нынешний интерес к белорусскому языку, столько людей записывается на курсы. Сегодня это форма сопротивления» (Радио «Свобода», 2014). **«200 лет нам не дали жить как полноценной нации, уничтожили национальную элиту, уничтожили язык, но я не думаю, что белорусы – это умирающая нация» (из интервью на Минской книжной ярмарке, 2014). Не то же самое постигло и украинцев? По крайней мере, именно этому их учили последнее время. А как же похороненная Светланой Алексиевич симпатия к национализму?..**

«Обама и Европа ведут себя очень разумно. <...> Это политики, которые представляют общество, которое совсем не хочет обуть дурацкие сапоги, взять автомат и идти куда-то. Люди любят жизнь и умеют жить. У них совсем другие ценности» (Радио «Свобода», 2014). **В самом деле?..**

«Лукашенко выглядит меньшим диктатором, чем Путин. Во всяком случае, у нас нет этих диких законов о сексуальных меньшинствах, о защите православия» (Радио «Свобода», 2014). **Во-первых, у нас тоже нет закона о защите православия. А во-вторых, вот вам навскидку несколько действительно диких законов: в Великобритании нельзя умирать в здании Парламента. В США, в штате Мэриленд в городе Балтимор, нельзя приходить в театр со львами. В штате Калифорния под угрозой штрафа нельзя в черте города Чико взрывать ядерные устройства. В штате Алабама запрещено водить машину с завязанными глазами. Эти законы принимают свободные, культурные люди?..**

«Не надо быть в отчаянии, всё-таки главное мы сделали – коммунизм побеждён» (из интервью на Минской книжной ярмарке, 2014). **Конечно, люди могут иметь разные взгляды, могут не соглашаться друг с другом. Но будьте вы честны, как сами же и призываете! Не нравится вам коммунизм – откажитесь от его наград, верните его дипломы, вышвырните его деньги. Или это, по-вашему, честно: пользоваться благами ненавистного режима? Светлана Алексиевич не скрывает, что награждалась премией Ленинского комсомола. Но это означает, что она брала деньги у диктаторов, добытые, быть может, трудом заключённых. Какие уж тут цинковые – тут кровавые мальчишки должны в глазах прыгать. А кроме того: как быть с преимуществами социализма?..**

Уроженка Западной Украины, Светлана Алексиевич призналась: «Я очень люблю Украину. Это тоже моя земля. Моя украинская бабушка (она – из Винницкой области) всегда мне говорила, что я должна любить Украину. Всё детство она мне рассказывала про Голодомор, какой это был кошмар» (пресс-конференция в редакции белорусской оппозиционной газеты «Наша нива»). Речь, заметим, не о голоде, случавшемся в разных частях страны, а именно о Голодоморе, то есть писательница подчёркивает, что с детства знает о «тюрьме народов», о том, как Россия сознательно и целенаправленно уничтожала украинцев. За последнюю пару лет Светлана Алексиевич не раз делилась с журналистами мнением о происходящем на Украине: «Мне нравился и первый Майдан, и второй Майдан» (Радио «Свобода», 2014); «Я очень поддерживаю Украину, была на Майдане и плакала над фотографиями Небесной сотни» (Радио «Свобода», 2014); «Они там, в Кремле, не могут поверить, что на Украине произошёл не нацистский переворот, а народная революция. Справедливая» (Радио «Свобода», 2014); «Недалеко от моего дома в Минске стоит памятник украинскому кобзарю Тарасу Шевченко. Каждое утро я вижу, что памятник обсыпан цветами, догорают поминальные свечи. Первые дни на тех, кто приходит сюда, составляли протоколы, везли в полицейский участок. Тогда таких людей было десятки, а теперь сотни. Полицейские не могут арестовать всех людей, утром к памятнику приезжает машина и арестовывает цветы. Но я знаю, что утром будут новые цветы» («Deutsche Welle»).

Ну цветы-то, конечно, арестовывают по приказу диктатора Лукашенко, о котором в интервью швейцарской газете «Neue Zuercher Zeitung» Светлана Алексиевич высказалась следующим образом: «Для меня он психопат, и все его действия – патологические. <...> Он – политическое животное».

После известия о присуждении Светлане Алексиевич Нобелевской премии по литературе в сети появилось множество публикаций. Кто-то радуется и искренне поздравляет писательницу с наградой. Кто-то негодует и недоумевает. Высказываются разные соображения по поводу причудливого выбора Нобелевского комитета. Но Светлана Алексиевич – это не просто хороший или не очень писатель. Это восточноевропейский писатель, утверждающий превосходство европейских ценностей и европейского образа жизни перед ценностями и образом жизни русскими. Это продолжение кампании, развернувшейся в 2013 г. на Украине, когда украинцам тоже внушали, что они победили коммунизм, а теперь должны победить коррупцию и бескультурие, должны выйти на улицы, потому что «Украина – це Европа». Подальше от диктаторов и приносимых ими страданий, вперёд к свободе и достоинству, к европейской жизни. Ведь главное для человека – это хорошо жить и уметь беречь собственную жизнь.

Точнее всех, отозвавшихся на награждение Алексиевич, ситуацию описал журналист Олег Кашин: «Появляется человек, голос которого звучит заведомо громче, чем голос любого из россиян, – конкурировать с нобелевским лауреатом в мировом медийном контексте может только Владимир Путин, причём такая конкуренция для Путина будет заведомо проигрышна. Путин скажет “Да”, нобелиат скажет “Нет”, и это будет последнее слово. Русский нобелевский лауреат по литературе – это не просто очередной коллега Марио Варгаса Льюиса и Эльфриды Елинек. <...> В 2015 году русский нобелевский лауреат по литературе – это будет абсолютный моральный авторитет, тем более абсолютный, что в России 2015 года конкурс моральных авторитетов давно закрыт по неявке одних участников и в связи с дисквалификацией других».

Правда, попасть в одну компанию с Э. Елинек – честь, надо признать, сомнительная. Да и нобелевских лауреатов отнюдь не все боготворят. Словом, в России этот механизм едва ли сработает. А вот каковы настроения в Белоруссии, ставшей обладательницей своей первой Нобелевской премии, сказать трудно. Поэтому если в рассуждении Олега Кашина заменить «Путина» на «Лукашенко», а «Россию» на «Белоруссию», то модель представляется вполне жизнеспособной. И если на Украине переворот состоялся силами полоумного Кличко, ущербного Яценюка и невменяемого Тягнибока, то у белорусской революции есть все шансы благословиться у Нобелевской лауреатки. А тут ещё путевой звездой светит, подбадривает премия мира, присуждённая, как мы помним, в связи с «жасминовой революцией». Но схема цветных и цветочных революций несколько устарела за последнее время и определённо нуждалась в свежих идеях. Оказалось, «их есть у меня».

Неважно, станет ли Светлана Алексиевич толкаться на Майдане или нет. Ленин ведь тоже не участвовал во взятии Зимнего. Важно, что для маленькой Белоруссии лауреат Нобелевской премии по литературе действительно может превратиться в абсолютный и непререкаемый моральный авторитет.

Сплошь пёсьи головы

Лауреат Нобелевской премии по литературе за 2015 г. Светлана Алексиевич стала после награждения едва ли не самой цитируемой и обсуждаемой в рунете персоной. Присуждение ей премии буквально всколыхнуло Россию и Белоруссию. Ещё бы! Не каждый год Нобелевский комитет награждает русскоязычных писателей. Реакция на награждение Светланы Алексиевич оказалась пёстрой: кто-то ругался, кто-то ликовал, а

признанные русские патриоты – очевидно, не разобравшись – восклицали: «Ура Светлане Алексиевич, товарищи!», и только что в воздух чепчики не бросали.

Потом о писательнице забыли. А потом опять вспомнили. И снова началось: «ура!», «долой!» и кто во что горазд. Оказалось, что новый всплеск интереса к белорусской писательнице и зашкаливание эмоционального фона связаны с произнесённой ею традиционной Нобелевской речью или, как ещё говорят, лекцией. Лекция получилась довольно пространной, по сравнению, например, с выступлениями М.А. Шолохова (1965 г.) или И.А. Бунина (1933 г.) К тому же, если речь И.А. Бунина стала в значительной мере выражением благодарности, речь М.А. Шолохова – рассуждением о литературе и предназначении писателя, то свою речь, ни в чём не изменяя себе, Светлана Алексиевич посвятила России и русскому народу.

Нет, сначала-то она пересказала и процитировала несколько своих книжек, напомнила слушателям, как они интересны, эти книжки, и как важны для понимания России. Намекнула, что она и есть главный специалист по русской душе, посетовала на свою советскую судьбу и только после этого принялась смачно оплёвывать шестую часть суши со всеми её обитателями. В общем-то, эту речь можно даже не комментировать – она сама за себя говорит. Но всё же есть кое-что, о чём стоит сказать особо.

Прежде всего, каждый писатель – это колониалист, эдакий англичанин в Индии. Он захватывает некие территории и вовсю начинает их эксплуатировать. Писателю нужны колонии, откуда он мог бы вывозить свои сокровища. Колонии, как и сокровища, могут быть самыми разными, да и поверяются они временем. Но творчество любого писателя – это эксплуатация тех или иных условных территорий. Что касается Светланы Алексиевич, то своей колонией, случайно или расчётливо, она с самого начала писательской деятельности избрала Россию и русский народ. Судя по книгам и интервью Светланы Алексиевич, человек она достаточно простой и прямолинейный. А потому, не утруждая себя «колониальными поисками», она когда-то решила, что будет эксплуатировать одну-единственную территорию: «Россия. Страна, населённая людьми с пёсьими головами». Благо, территория огромна, сокровищ много, до сих пор хватало всем желающим.

И началось. Книга о Великой Отечественной войне... Книга о Чернобыльской катастрофе... Книга об Афгане... И всюду одно и то же: русские только страдают, потому что они рабы. И так далее, и тому подобные пропагандистские штампы. А потому, о чём бы ни говорила и ни писала Светлана Алексиевич, получается у неё только про пёсьи головы. Даже в Нобелевской лекции она заявила буквально следующее: «Я жила в стране, где нас с детства учили умирать. Учили смерти. Нам говорили, что человек существует, чтобы отдать себя, чтобы сгореть, чтобы пожертвовать собой...» Многие из нас жили в одной стране с Алексиевич. Но есть ли ещё хоть один человек, которого бы тоже учили смерти? Да и что это такое: «учить смерти»? Кстати, о самопожертвовании. Прежде всего, этому учит христианство: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15:13). Более того, Сам Основатель христианства принёс Себя в жертву, отдал Себя за грехи мира. Так что здесь Светлана Алексиевич пока ещё христианскую Европу не удивила. А кроме того, каким бы делом человек ни занимался, чему бы ни служил, нужно именно сгорать, отдавать себя этому делу. Иначе ничего путного не выйдет. И неважно кто перед нами: советский солдат, британский физик, учительница из Кении, влюблённый мужчина или многодетная мать. Не отдаёт себя только тот, кто ничего и никого не любит. Человек, осуждающий самопожертвование и самоотдачу есть законченный эгоист и гедонист, потому что любовь – к человеку ли, к делу ли – это и есть самопожертвование и самоотдача. И получается, что помимо непонимания Светланой Алексиевич смысла проговариваемых слов, опять пёсьи головы. Ведь утверждение, что «нас с детства учили умирать» равносильно утверждению, что Россию населяют люди с пёсьими головами.

Светлана Алексиевич пишет, как она уверяет, со слуха – в Нобелевской лекции она даже назвала себя «человеком-ухом». Происходит это следующим образом: либо разные люди добровольно рассказывают о себе страшные истории, либо ухо подслушивает в толпе, а после добросовестно или не очень записывает. Любопытно, что коллекционирует

Светлана Алексиевич исключительно страшные истории, создавая у читателя впечатление, что ничего хорошего ей попросту никто и никогда не рассказывал – не о чем было рассказывать.

Вообще, что касается записи на слух, метода эта хорошо известна по деятельности другого Нобелевского лауреата и называется «Один старый лагерник рассказывал». Проверить эти рассказы не представляется возможным: старый лагерник давно замучен, а «ухо» не разглядело, что там и кто в толпе вякнул. Вот и получается у Светланы Алексиевич: «Модернизация у нас возможна путём шарашек и расстрелов... Русский человек вроде бы и не хочет быть богатым, даже боится. Что же он хочет? А он всегда хочет одного: чтобы кто-то другой не стал богатым. Богаче, чем он... Честного человека у нас не найдёшь, а святые есть... Не поротых поколений нам не дожидаться; русский человек не понимает свободу, ему нужен казак и плеть... Два главных русских слова: война и тюрьма. Своровал, погулял, сел... вышел и опять сел... Русская жизнь должна быть злая, ничтожная, тогда душа поднимается, она осознаёт, что не принадлежит этому миру... Чем грязнее и кровавее, тем больше для неё простора... Для новой революции нет ни сил, ни какого-то сумасшествия. Куража нет. Русскому человеку нужна такая идея, чтобы мороз по коже... Так наша жизнь и болтается – между бардаком и бараком. Коммунизм не умер, труп жив...»

Про кнут, кстати, Горький написал. Видимо, Светлана Алексиевич слышала это, когда прогуливалась возле Литературного института во время сессии. Ну а если серьёзно, то почему, живя в «этой стране» да ещё бывая в разных городах, никогда ничего подобного не слышишь? Да, люди ругают власть; да, недовольны пенсиями и зарплатами. А в какой стране люди власть не ругают? Но чтобы кто-то сказал о себе: «Своровал, погулял, сел... вышел и опять сел...» или, другими словами: «Украл, выпил, в тюрьму... Украл, выпил, в тюрьму...» – нужна уж очень специфическая среда, чтобы услышать от человека что-то подобное о самом себе. Но допустим, что Светлана Алексиевич действительно всё это слышала на улицах российских городов. Тогда возникает вопрос: если ты приехала в страну с населением в сто сорок миллионов человек, услышала что-то в толпе и решила, что это общее мнение, кто ты после этого?..

Возможно, мы чего-то не поняли. А художника, как известно, всякий может обидеть. Возможно, Светлана Алексиевич – это борец за мир и свободу. Ведь она прямо так и сказала в Нобелевской лекции: «Признаюсь, я не сразу стала свободной. Я была искренней со своими героями, и они доверяли мне. У каждого из нас был свой путь к свободе. До Афганистана я верила в социализм с человеческим лицом. Оттуда вернулась свободной от всех иллюзий. “Прости меня, отец, – сказала я при встрече, – ты воспитал меня с верой в коммунистические идеалы, но достаточно один раз увидеть, как недавние советские школьники, которых вы с мамой учите (мои родители были сельские учителя), на чужой земле убивают неизвестных им людей, чтобы все твои слова превратились в прах. Мы – убийцы, папа, понимаешь!?” Отец заплакал». Всё-таки она стала свободной, и это выразилось в понимании, что социализма с человеческим лицом не бывает, что советские люди – убийцы. Так, может быть, она призывает человечество прекратить воевать? Может быть, осуждает всякую военщину? Но нет! В том-то всё и дело, что это именно советские и русские люди – убийцы. Вот и в Афганистане писательница увидела ребёнка без рук и упала в обморок. «Это твои русские бомбили», – объяснила ей молодая афганка. А что же Светлана Александровна не расскажет Нобелевскому комитету о последствиях американских бомбёжек в афганском Кундузе? Уж бороться с военщиной, так бороться. Или писательница думает, что в Югославии не было детишек с оторванными ручками?

А и правда, что же поделяет светоч демократии? Оказывается, не сидит без дела. С конца XVIII в. Соединённые Штаты более двухсот раз осуществляли вооружённую агрессию. Но пацифистке Алексиевич это неинтересно. Ведь история ещё не знала случая, чтобы за антиамериканизм давали Нобелевскую премию.

Съездила женщина на войну, упала в обморок и всё поняла. И с тех пор с

присущей ей простотой и прямолинейностью делает своё дело: обличает. Простенько, но со вкусом, дёшево и с огоньком: вот общая беда, а вот виноватые. Кто всё время воюет? Кто больше всех пьёт? Кто постоянно ворует? Ну и, конечно, пару звонких куплетов о свободе и рабстве. Только разговоры эти без статистики ничего не стоят, превращаясь от слова к слову в пустой треп. Хотя в то же время это весьма действенный приём в информационной войне. Ведь человек, воспринимающий информацию, не всегда успевает задуматься, и тогда голос разума тонет в хоре эмоций, и люди с пёсьими головами начинают мерещиться на каждом шагу. А значит, цель достигнута, и всё было не зря. Ну а что же нам-то делать? Продолжать утираться?

Нобелевская речь Светланы Алексиевич плюс её интервью и книги дают все основания к следующим действиям: во-первых, используя её же опыт, то есть выписывая приглянувшиеся факты, стоит, пожалуй, собрать всё враньё, посеянное Светланой Алексиевич, и выпустить отдельным изданием. Сюда войдут отрывки из книг, цитаты из Нобелевской лекции, выдержки из интервью. Ну как, например, пройти мимо такого: «...Недавно я была в Москве и решила сходить в храм на службу. Вижу возле собора большое количество полицейских, бойцов подразделений по пресечению беспорядков, толпа гражданских. Думаю, что-то случилось: покушение или ещё что. Но мне отвечают: “Нет, просто мы все идём в церковь помолиться во славу российского ядерного оружия”. Представляете? Помолиться за ядерное оружие русских! Полиция вместе с военными и политиками! Это отвратительно! На следующий день сажусь в такси, водитель меня спрашивает, православная ли я. Отвечаю, что нет. “Тогда извините, вам придётся освободить машину, поскольку это православное такси и мы обслуживаем исключительно христиан-ортодоксов”. Вечером отправляюсь в театр – у входа – группа казаков с нагайками, требующих отменить спектакль по Набокову. И это я говорю всего о нескольких днях в Москве. Вы понимаете – красный человек жив! Мы должны выдавить всё это» (интервью испанской газете «La Vanguardia»).

Сюда же через запятую войдут и все оскорбления, произнесённые С.А. Алексиевич в адрес русского народа. Назвать можно так: «Белая книга Светланы Алексиевич». А уж потом, во-вторых, передать эту книгу в Европейский Суд по правам человека с иском на гражданку Алексиевич в связи с клеветой, оскорблением чести и достоинства, а также призывами к насилию («выдавить красного человека»). Средства, как мы знаем, у гражданки Алексиевич имеются. Мелочиться не надо, пусть сумма возмещения ущерба не превышает сумму, выделенную гражданке Алексиевич Нобелевским комитетом. Деньги пойдут в Фонд помощи малоимущим гражданам России, о которых так печётся белорусская писательница.

И ещё об одном. Светлана Алексиевич – признанный мастер афористичных заголовков и определений. «У войны не женское лицо»... «Цинковые мальчики»... «Время сэконд-хэнд»... «Красный человек»... Эти формулировки не всегда удачны. Например, «время сэконд-хэнд» похоже, скорее, на какой-то набор слов, чем на осмысленную метафору. То же и с «красным» человеком. Вроде бы, судя по цвету, понятно, что речь идёт о советском человеке. Была «Красная Армия», советскую хоккейную команду называли «красной машиной», об СССР говорили: «красная империя». Отсюда, конечно, следует, что житель «красной империи» и есть «красный» человек. Но Светлана Алексиевич вкладывает в это какой-то свой смысл. Даже из её Нобелевской лекции понятно, что «красный» человек – это тот, кого необходимо «выдавить». Причём не из себя, как предлагал обходиться с рабом Чехов. «Выдавить» «красного» человека нужно вообще, отовсюду. И сделать это, по мнению Светланы Алексиевич, должны «мы», то есть Алексиевич и европейцы. Потому что «красный» человек – это раб, завистливая и лживая сволочь, злая, ничтожная, копошащаяся в грязи, всё своё время проводящая в убийствах или воровстве. Это, между прочим, о каждом из нас. И всё это сказано белорусской писательницей напрямую в Нобелевской лекции. Почему это так, а не иначе – писательница не объясняет. Она

вообще только констатирует. Но именно поэтому «красный» человек так и останется фантазией, ещё одной пёсьей головой. Что это такое на самом деле – «никому не известно и никого не касается». Зато всем очень хорошо известно, что такое «подлый человек», «низкий человек», «дрянной человек», «неблагодарный человек».

Кстати, в разное время в своих Нобелевских лекциях писатели обращались к Шведской академии со словами благодарности: «...Любовь к искусствам и к литературе всегда была традицией для Шведского королевского дома, равно как и для всей благородной нации вашей. Основанная славным воином, шведская династия есть одна из самых славных в мире. Его величество король, король-рыцарь народа-рыцаря, да соизволит разрешить чужеземному, свободному писателю, удостоенному вниманием Шведской академии, выразить ему свои почтительнейшие и сердечнейшие чувства» (И.А. Бунин). «...Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждать любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив. Благодарю всех, кто находится в этом зале, всех, кто прислал мне приветствия и поздравления в связи с Нобелевской премией» (М.А. Шолохов). Но ни слова благодарности не высказала Светлана Алексиевич. С трепетом рассказала она о себе и с ненавистью – о стране, населённой людьми с пёсьими головами. Больше ей, очевидно, сказать нечего.

[Светлана ЗАМЛЕЛОВА](#) - 23 июня 2017

<http://webkamerton.ru//2017/06/ispytanie-premiei>